POURQUOI JE NE SUIS PLUS RÉVOLUTIONNAIRE

ЦД2
Т 593

Левъ Тихомировъ

ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛЪ БЫТЬ

РЕВОЛЮЦІОНЕРОМЪ

Prix : Un franc cinquante centimes

PARIS

NOUVELLE LIBRAIRIE PARISIENNE

ALBERT SAVINE, ÉDITEUR

18, RUE DROUOT, 18

Tous droits réservés

1888

ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛЪ БЫТЬ

РЕВОЛЮЦІОНЕРОМЪ

POURQUOI JE NE SUIS PLUS RÉVOLUTIONNAIRE

Левъ Тихомировъ

ЦД2
Т 593

ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛЪ БЫТЬ

РЕВОЛЮЦІОНЕРОМЪ

PARIS

NOUVELLE LIBRAIRIE PARISIENNE

ALBERT SAVINE, ÉDITEUR

18, RUE DROUOT, 18

Tous droits réservés

К.

ЦД2
Т 593

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
221
46
4-2719 у

2012

ПРЕДИСЛОВІЕ

Въ послѣднемъ изданіи моей французской книги « *La Russie politique et sociale* » я помѣстилъ нѣсколько строкъ о террорѣ, о дѣятельности культурной и революціонной, — не думая пускаться въ пропаганду своихъ мнѣній, слишкомъ затруднительную для меня по разнымъ причинамъ, а желая лишь отвѣтить на запросы, сдѣланные мнѣ относительно моего образа мыслей и моего бездѣйствія, въ революціонномъ смыслѣ. Эти нѣсколько строкъ вызвали противъ меня множество нападокъ въ эмигрантскомъ мірѣ. Я получилъ нѣсколько писемъ съ укоризнами отъ кое-какихъ бывшихъ друзей. Противъ меня появился печатный протестъ анонимный, но выпущенный подъ патронатомъ П. Л. Лаврова (брошюра « Революція или эволюція ? »), который и отъ себя присоединяетъ къ брошюрѣ нѣсколько запросовъ мнѣ.

Не преувеличивая значенія начатой противъ меня кампаніи, я считаю однако необходимымъ объясниться передъ публикой, объясниться теперь же, а не нѣсколько позднѣе, какъ я разсчитывалъ сдѣлать, и какъ сдѣлать мнѣ было бы удобнѣе. Уже изъ заглавія моей брошюры читатели видятъ, что я покинулъ революціонный путь дѣятельности. Объясненіе причинъ, почему я пересталъ быть революціонеромъ — они найдутъ въ брошюрѣ. Я принужденъ быть очень краткимъ, и не касаюсь совсѣмъ многихъ важныхъ пунктовъ, къ которымъ возвращусь когда нибудь позднѣе.

Какъ ни мало мѣста и времени въ моемъ распоряженіи, я принужденъ значительную часть моей брошюры посвятить

описанію своей личной эволюціи, что впрочемъ, полагаю, лишь уяснитъ для читателей первый вопросъ.

Покидая революціонный путь — чѣмъ же я остаюсь? По своимъ желаніямъ, стремленіямъ — я обыкновенный, скромный работникъ мирнаго прогресса. Въ этомъ отношеніи моя точка зрѣнія нѣсколько уяснится для читателей даже изъ настоящей брошюры. Болѣе обстоятельное объясненіе, совершенно невозможное здѣсь, отлагаю до удобнѣйшаго случая, если ему суждено когда нибудь наступить.

Въ концѣ брошюры я помѣщаю приложеніе, посвященное объясненію съ П. Л. Лавровымъ.

А. Тихомировъ.

11 мая 1888 года,
Парижъ.

ПОЧЕМУ Я ПЕРЕСТАЛЪ БЫТЬ РЕВОЛЮЦІОНЕРОМЪ

I

Если бы мой скептицизмъ въ отношеніи различныхъ основъ нашего революціоннаго міросозерцанія не пробудился уже давно, то онъ конечно былъ бы пробужденъ теперь, когда я въ такихъ рѣзкихъ формахъ наблюдаю легкость и быстроту, съ которой революціонныя направленія закостенѣваютъ до полнаго старовѣрія. Всякое явленіе, разумѣется, кончаетъ смертью, а передъ тѣмъ переживаетъ періодъ старчества, минерализаціи. Но доходить до него такъ быстро, еще ничего не сдѣлавши, даже не выйдя изъ хаоса внутреннихъ противурѣчій, словомъ— не сложившись еще даже — это безъ сомнѣнія показываетъ крайнюю скудность жизненныхъ силъ въ самомъ зародышѣ явленія. Я наблюдаю такую картину на отдѣльныхъ примѣрахъ, но они мнѣ напоминаютъ многочисленныя аналогіи.

Моя увѣренность, что я стою теперь на вѣрномъ пути только возрастаетъ, когда я прислушиваюсь къ упрекамъ, раздающимся противъ меня, и наблюдаю дѣйствія, о которыхъ полезнѣе будетъ поговорить когда нибудь, посмертно, на страницахъ тогдашней «Русской Старины»

Меня упрекаютъ въ тысячѣ вещей: почему я не говорилъ, почему не молчалъ, почему не подождалъ, почему бросилъ партію, и т. д. Отвѣчать на большинство этихъ упрековъ — не имѣетъ смысла, потому что въ нихъ сказывается просто различіе точекъ зрѣнія на нравственныя права и обязанности человѣка. Замѣчу только, что въ этомъ отношеніи я собственно нисколько не измѣнился, и смотрю также, какъ смотрѣлъ всегда. Есть однако кое-что, требующее отвѣта.

Меня упрекаютъ: почему я не молчалъ? Мнѣ говорятъ: вы должны молчать... Я знаю, это обычное явленіе: многіе, достигшіе нѣкотораго опыта и возраста, перестаютъ вѣрить въ свои прежнія основы и и мечты, — но молчатъ! Они не дѣлятся опытомъ съ молодежью, замѣчая: «Зачѣмъ разочаровывать? самъ ничего не дѣлаешь, — не мѣшай другимъ!» Есть и такіе, у которыхъ причина вѣрности старому заклю-

чается во внутреннемъ крикѣ сожалѣнія о погибшей жизни: « какъ неужели эти 5 или 10 лѣтъ были ошибкой, за что же уложилъ я столько силъ, за что отказался отъ того то и того то... не можетъ быть! » Глубоко трагично это положеніе, оно не можетъ не возбуждать жалости. Но сознавая причины малодушія и даже лично прощая его, нельзя забывать и того, что оно несетъ тяжелую отвѣтственность за гибель молодыхъ силъ, за безплодность нашихъ « движеній. » Я считаю обязанностью поступить иначе. Когда я вѣрилъ что да, я говорилъ — да, когда думаю что нѣтъ, я и говорю — нѣтъ. Я писалъ программы въ двадцать лѣтъ, теперь, когда мнѣ почти сорокъ — я былъ бы весьма плохого о себѣ мнѣнія, если бы боялся своихъ двадцатилѣтнихъ сочиненій или не умѣлъ сказать ничего умнѣе ихъ. Послушаетъ ли кто нибудь меня — это вопросъ иной, но обязанность моя совершенно ясна.

По поводу упрековъ за мое отношеніе къ партіи Народной Воли, я также желаю разъ на всегда установить фактъ, чтобы не оставлять мѣста ни клеветѣ, ни ошибкѣ.

Есть два рода обязанностей: нравственныя, предписывающія дѣлать то, что указываетъ наша совѣсть; есть также обязанности формальныя, предписывающія исполнять то, что обязался исполнять. Подчиняя ихъ конечно нравственнымъ, тѣмъ не менѣе я вполнѣ признаю формальныя обязанности. Но дѣло въ томъ что, по отношенію къ бывшей партіи Н. В. меня нельзя упрекнуть въ нарушеніи даже формальныхъ обязанностей. Я поддерживалъ партію гораздо дольше, чѣмъ позволялъ здравый смыслъ, мои убѣжденія, мои обязанности передъ родиной. Я долго не хотѣлъ помириться съ мыслью, что у меня въ рукахъ — трупъ, я старался его оживить и не рѣшался его похоронить даже вопреки явной очевидности.

Когда то я привѣтствовалъ появленіе этой партіи, я ей отдалъ всѣ силы. Я тогда еще былъ революціонеромъ, но уже понималъ необходимость созиданія, безъ котораго не бываетъ здоровыхъ движеній. Именно изъ за этого созиданія я и цѣнилъ партію, элементы этого созиданія къ ней прививалъ, по мѣрѣ своего пониманія. Такъ вѣрой и правдой, по совѣсти и убѣжденію, прослужилъ я — до почти конца 1880 года. Тутъ я — и не я одинъ — сталъ чувствовать, что ростъ и развитіе партіи будто замираетъ, будто пропадаетъ въ ней свѣжая творящая сила, которая казалось била ключемъ вначалѣ. 1881 годъ я пережилъ весь уже съ чисто формальной « вѣрностью знамени. » Я въ это время чувствовалъ себя въ недоумѣніи. Россія здорова: таково было мое впечатлѣніе; страна полна жизненной силы — но почему же чахнетъ вообще революціонное движеніе и Народная Воля — это — какъ мнѣ говорили мои теоріи — высшее проявленіе роста страны?

Мнѣ казалось это невѣроятнымъ противурѣчіемъ, котораго я не могъ разрѣшить и которое меня приводило къ какому то холодному отчаянію. Такъ уѣхалъ я за границу съ единственнымъ желаніемъ написать свои воспоминанія о пережитомъ.

Замѣчу мимоходомъ, что я уѣхалъ съ согласія товарищей, но безъ

всякихъ порученій, и вообще совершенно свободный, предупредивъ, что ѣду на неопредѣленно долгое время. Во время этого то « безсрочнаго отпуска » моего тамъ, въ Россіи, рухнули всѣ остатки старой организаціи, погибли всѣ, по отношенію къ кому можно бы было говорить съ какимъ нибудь правомъ о моихъ обязательствахъ.

Было бы долго, да — и едва ли я всегда имѣю на то право, говорить о подробностяхъ, которыя опредѣлили такое, а не иное поведеніе мое за границей. Скажу одно: это самое отвратительное время моей жизни.

Это единственная эпоха, когда кружковщина, заѣдающая вообще всю живую силу въ нашихъ quasi-партіяхъ, могла меня связать и полонить. Конечно, на то были свои причины, и именно долгъ, рутинный, партіозный долгъ, который животворитъ человѣка въ живомъ дѣлѣ, но оказываясь по отношенію къ дѣлу умирающему напоминаетъ грѣхи, наказуемые до седьмого поколѣнія. Дѣйствительность мнѣ давала потрясающія указанія. Но чтобы ими пользоваться, нужно имѣть умъ и совѣсть свободно функціонирующими, нужно позволять себѣ думать и чувствовать, а этого то и не было, какъ нѣтъ нигдѣ въ партіяхъ, а умъ особенно въ нашихъ. Я утѣшалъ себя мыслью, что находясь въ рядахъ партіи, буду лучше способствовать ея пересозданію. Какое самообольщеніе! Выходило конечно лишь то, что я себя подчинялъ, самъ молчалъ, да и думалъ гораздо меньше чѣмъ слѣдовало бы, мѣшая думать и другимъ.

Не смотря однако на полную добросовѣстность, съ которой я кастрировалъ свои умственныя способности, я могъ достигнуть лишь замедленія своего развитія, но не полнаго его уничтоженія. Жизнь дѣйствовала слишкомъ энергично. Я не могъ не замѣтить ея ударовъ. Дѣятельность Германа Лопатина съ товарищами дала мнѣ новое предостереженіе. Я увидѣлъ, что они дѣлаютъ не то что нужно. Что нужно — этого я не могъ почуять изъ заграницы — но настоятельно совѣтывалъ Г. Лопатину искать новыхъ путей, такъ какъ старые, на которыхъ онъ стоялъ, очевидно негодны. Когда я увидалъ, что онъ и товарищи не могутъ или не хотятъ сойти со старыхъ рельсовъ, я (лѣтомъ 1884 г., числа не помню) письменно отнялъ у Г. Лопатина право считать меня членомъ ихъ кружка, и просилъ больше не пользоваться моимъ именемъ.

Съ тѣхъ поръ я отстранялся отъ всякихъ кружковъ или организацій. Иногда у меня были порывы что нибудь начать — но сознаніе уничтоженія партіи доходило до очевидности.

Вотъ, если позволятъ читатели, нѣсколько выдержекъ изъ моего дневника за 1886 г. Въ Мартѣ 1886 г. я отмѣчаю, что по такимъ то обстоятельствамъ (имѣвшимъ мѣсто, прошу замѣтить, въ Январѣ 1885 г.) « Я окончательно убѣдился, что революціонная Россія, въ смыслѣ серьезной, сознательной силы — не существуетъ... Революціонеры есть, они шевелятся и будутъ шевелиться, но это не буря, а рябь на поверхности моря.... Они способны только рабски повторять примѣры... Они не понимаютъ даже и у стариковъ ничего кромѣ внѣшности, техники. Конечно, это не мѣшаетъ имъ быть хорошими людьми, но въ политикѣ этого мало ». Далѣе: « Въ моихъ глазахъ уже болѣе года несомнѣнно,

что отнынѣ нужно всего ждать лишь отъ Россіи, отъ русскаго народа, почти ничего не ожидая отъ революціонеровъ. » Я дѣлалъ отсюда выводъ, что « жизнь свою долженъ устроить такъ, чтобы имѣть возможность служить Россіи такъ какъ подсказетъ мнѣ мое чутье независимо ни отъ какихъ партій. »

Таковы факты : читатели видятъ, что у меня давно нѣтъ рѣшительно никакихъ обязательствъ по отношенію къ партіи Народной Воли. Если же находятся люди, которые вздумали бы её воскресить — что мнѣ за дѣло? Это меня ровно ни къ чему не обязываетъ. Я этой попытки не затѣвалъ, напротивъ всегда совѣтывалъ её не дѣлать, и её не одобряю, и предвижу отъ нея только вредъ для Россіи. Вопросъ же, какъ бы отнеслись теперь къ попыткѣ тѣ или другіе изъ погибшихъ представителей стараго движенія — для меня интересенъ въ историческомъ и психологическомъ смыслѣ — но не можетъ имѣть никакого вліянія на мой выборъ пути. Я могъ позволить своему разсудку и волѣ дремать, но разъ они проснулись и заговорили, я слушаюсь только ихъ. Если бы теперь возстали изъ какихъ угодно могилъ и какіе угодно люди, какъ бы дороги они мнѣ ни были — я могъ бы сдѣлать одно : употребить всѣ силы, всѣ знанія, всѣ доводы, чтобы убѣдить этихъ людей пойти со мной. А затѣмъ, съ ними или одинъ, я всё таки пошелъ бы своей дорогой, той которую считаю истинной.

II

Есть много моихъ сверстниковъ, которые также получили немало уроковъ отъ жизни, и тѣмъ не менѣе продолжаютъ пассивно « держать знамя », съ ужасомъ отталкивая мысль о какихъ либо перемѣнахъ, особенно если перемѣна ведетъ не къ чему нибудь болѣе ниспровергательному, а въ сторону « умѣренности ». Отбросить же привычки столькихъ лѣтъ и такъ далеко — чтобы совсѣмъ перестать быть революціонеромъ, да еще заявить объ этомъ — имъ представляется чѣмъ то внѣ человѣческаго разумѣнія. Я не таковъ. Почему? Причинъ конечно много. Между прочимъ, я напримѣръ чрезвычайно обязанъ наблюденію французской жизни, могучей французской культуры, которая мнѣ показала настоящую цѣну нашихъ идеаловъ. Но самое главное въ самыхъ стремленіяхъ, въ самыхъ мечтахъ о революціи есть двѣ стороны — одного прельщаетъ больше сторона разрушительная, другого — построеніе новаго, и эта вторая задача издавна господствовала во мнѣ надъ первой. Вообще меня лично очень бы интересовала задача прослѣдить теперешняго себя въ моемъ революціонномъ прошломъ, сквозь которое я съ благодарностью смотрю на мои до-революціонные годы. Эти годы воспитанія умѣли таки подарить мнѣ нѣкоторую индивидуальность, которую потомъ не стеръ даже потокъ « передовыхъ идей » затопившій наше поколѣніе. Само

собою я не думаю угостить читателя своей автобіографіей. Напомню просто только, что вполнѣ сложившіяся идеи общественнаго порядка и твердой государственной власти издавна отличали меня въ революціонной средѣ; никогда я не забывалъ русскихъ національныхъ интересовъ и — всегда бы сложилъ голову за единство и цѣлость Россіи. Въ своемъ соціализмѣ никогда не могъ примкнуть ни къ одной опредѣленной школѣ. Въ отношеніи бунтовскомъ я мечталъ то о баррикадахъ, то о заговорѣ, но никогда не былъ террористомъ.

Нѣкоторый отпечатокъ положительности лежитъ на моемъ революціонизмѣ.

Вообще я бы раздѣлилъ революціонный періодъ моей жизни на три фазиса:

1) Мечты о поднятіи народныхъ массъ (эпоха «Земли и Воли»), причемъ однако никогда не допускалъ мысли о самозванцинѣ и т. п. лганьѣ, а думалъ, такъ сказать, о честномъ бунтѣ.

2) Мечты о государственномъ переворотѣ посредствомъ заговора, причемъ я, такъ сказать, терпѣлъ терроръ, стараясь однако обуздывать его и подчинять созидательнымъ идеямъ. (Эпоха Народной Воли).

3) Мечтанія о государственномъ переворотѣ путемъ заговора съ рѣзкимъ отрицаніемъ террора, и съ требованіемъ усиленія культурной работы. (Эпоха кончины Нар. Воли).

Послѣ этого я отбросилъ и самую революцію вообще. Третій фазисъ — для меня теперь такое же прошлое, какъ первые два. Но онъ менѣе извѣстенъ публикѣ (т. е. судящей обо мнѣ), такъ какъ я въ это время почти ничего не писалъ. Не лишнемъ будетъ нѣсколько возстановить его физіономію. У меня для этого есть совершенно объективный документъ: статья, которую недопустили до напечатанія въ № 5 « Вѣстника Нар. Воли (*).

Жалѣю что недостатокъ мѣста не позволяетъ мнѣ напечатать её цѣликомъ. Суть ея въ слѣдующемъ:

Россія, говорю я тамъ, находится въ самомъ обыкновенномъ, такъ сказать, нормальномъ состояніи ; а революціонныя партіи и въ частности Нар. Воля въ разстройствѣ. Такое несоотвѣтствіе должно объясниться лишь ошибками программы партіи. Я не желаю защищать никакихъ фирмъ. Въ каждой партіи или организаціи есть стремленіе отстаивать себя, независимо отъ того народнаго дѣла, которое одно дастъ имъ право на существованіе. Я отношусь враждебно къ этому явленію, но просто по справедливости отмѣчаю, что программа Н. В. была для своего времени большимъ шагомъ впередъ. Въ ней однако цѣнно собственно стремленіе къ извѣстному типу программы, а не ея отдѣльные пункты, которые я критикую.

«Программа Н. В. была лишь попыткой. Для того чтобы превра-

(*) См. Приложеніе В.

титься въ дѣйствительную русскую революціонную программу, она должна бы быть двадцать разъ пересмотрѣна и исправлена, при помощи того культурно-революціоннаго движенія, которое она должна была возбудить... Не уединяться, не отстаивать свое должна бы партія, а напротивъ, сливаться съ Россіей.» Все это оказалось однако выше пониманія революціонеровъ. Уже сразу «Н. В. допустила такую громадную ошибку, какъ включеніе въ программу дѣятельности разрушительной и террористической.» Послѣдующіе годы еще болѣе развили ошибку.

Эту мысль я доказываю въ статьѣ подробно съ точки зрѣнія заговорщика. Мое отрицаніе террора въ высшей степени рѣзко. «Если бы мнѣ сказали, что въ той или другой странѣ ничего не остается дѣлать, какъ пускать въ ходъ терроръ, я бы сильно усомнился въ способности этой страны къ жизни.» Однако-же терроризмъ именно всѣ больше развивался въ партіи, совершенно подрывая ея собственныя силы, ея подготовительную работу, а между тѣмъ «роль настоящихъ революціонеровъ — это роль нетольно бунтовская, но и культурная.» Идея террора такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ съузила и обезплодила идею революціи, съузила ея дѣло въ небольшомъ слоѣ своихъ людей (слишкомъ часто нелегальныхъ), а потому помѣшала партіи превратиться въ широкое общественное движеніе.» Я заключаю статью напоминаніемъ что всѣ разочарованія имѣютъ мѣсто собственно въ средѣ партіи. «Россія въ болѣе широкомъ смыслѣ идетъ своимъ путемъ.» Должно, стало быть, надѣяться, что Россія и ея интеллигенція съумѣютъ понять другъ друга, а потому я смѣло говорилъ еще читателямъ «до лучшаго будущаго».

Такъ хотѣлъ я обратиться къ читателямъ «Вѣстника» въ его прощальномъ нумерѣ, лѣтомъ 1886 года. Однако-же товарищи по редакціи и изданію единогласно и съ нѣкоторымъ ужасомъ нашли мою статью неподходящей, высказавъ, что я не имѣю нравственнаго права печатать ее въ «Вѣстникѣ Н. В.» Такъ она и погибла (*). Я тогда былъ по этому поводу въ большемъ негодованіи, мнѣ казалось невѣроятнымъ, какъ люди могутъ не понимать, что я имъ показываю единственный серьезный, разумный способъ дѣйствія, который притомъ лишь развиваетъ лучшія мечты 1879 года, только болѣе возмужалыя и окрѣпшія.

Это было совершенно законное чувство. Но съ другой стороны, нельзя не сознаться, что именно разумность дѣйствія и духъ жизненности, проявившіеся въ немъ — должны были въ логическомъ развитіи сдѣлать еще шагъ впередъ и совершенно отбросить «революціонные способы дѣйствія.» Я самъ вѣдь утверждаю въ статьѣ, что «только извѣстная эволюція въ народной жизни можетъ создавать почву для революціонной дѣятельности.» Я требую единенія партіи со страной. Я требую уничтоженія террора и выработки великой національной партіи... Но тогда для чего же самые заговоры, возстанія, перевороты?

(*) Собственно погибла лишь вторая половина (10 страницъ), гдѣ заключалась «цензурность»; первая половина напечатана — это именно «Внутреннее Обозрѣніе», № 5 Вѣст. Н. В.

Такая партія, о созданіи которой я хлопоталъ, очевидно съумѣла бы выработать систему улучшеній совершенно возможныхъ и явно плодотворныхъ, а стало быть — нашли бы силы и способность показать это и правительству, которое не потребовало бы ничего лучшаго, какъ стать самому во главѣ реформы.

Поэтому моя точка зрѣнія дѣйствительно являлась опасной и еретической для тѣхъ, кто хочетъ во что бы то ни стало быть революціонеромъ. Она опасна, потому что въ концѣ концевъ отклоняетъ отъ революціи (хотя начинаетъ съ нея). Она еретична потому что сознательно или безсознательно проникнута духомъ отрицанія множества основъ революціонной религіи.

У насъ дѣйствительно (да и не только у насъ) глубоко укоренилась мысль, будто мы живемъ въ какомъ то «періодѣ разрушенія», который, какъ вѣруютъ, кончится страшнымъ переворотомъ, съ рѣками крови, трескомъ динамита и т. п. За симъ — предполагается — начнется «періодъ созидательный». Эта соціальная концепція совершенно ошибочна, и, какъ уже замѣчалось, составляетъ просто политическое отраженіе старыхъ идей Кювье и школы внезапныхъ геологическихъ катастрофъ. На самомъ дѣлѣ, въ дѣйствительной жизни, разрушеніе и созиданіе идутъ рука объ руку и даже не мыслимы одно безъ другого. Разрушеніе одного явленія происходитъ собственно отъ того, что въ немъ, на его мѣстѣ, созидается нѣчто другое, и наоборотъ, формированіе новаго есть ничто иное, какъ разрушеніе стараго. Кто имѣетъ силу разрушить, безсильный однако немедленно возсоздать новое, производитъ только омертвѣніе части общественнаго организма. Но въ большинствѣ случаевъ, при такихъ условіяхъ, и самое разрушеніе чисто фиктивно: уничтожатъ напр. личность, а идея, или сословіе, или учрежденіе, ими представляемые, продолжаютъ оставаться въ полной силѣ и здоровьи.

У насъ же это революціонное разрушеніе составляетъ вѣру, надежду, обязанность каждаго добраго революціонера. Всѣ что есть бунтъ, протестъ, ниспроверженіе разсматривается какъ нѣчто полезное, содержащее зерно прогресса. Тѣмъ болѣе полезно считается разрушеніе, если оно направлено противъ администраціи или правительства, т. е. въ самый центръ охраны существующаго порядка. Мысль о возбужденіи бунтовъ, возстаній, заговоровъ всякого рода — пыталась у насъ воплотиться въ какихъ угодно формахъ, и не въ одной не могла этого достигнуть: ни для баррикадъ, ни для ирландщины, ни для заговора въ Россіи не оказывается «матеріала», т. е. сочувствія, желанія народа и общества.

При такихъ условіяхъ для реальнаго проявленія возстанія, если не считать злополучныхъ студенческихъ волненій, остается только, такъ сказать, единоличный бунтъ, т. е. именно терроризмъ. Для такого способа дѣйствій нѣтъ нужды ни въ поддержкѣ, ни въ сочувствіи

страны. Достаточно своего убѣжденія, своего отчаянія, своей рѣшимости погибнуть. Чѣмъ меньше страна хочетъ революціи, тѣмъ натуральнѣе должны прійти къ террору тѣ, кто хочетъ во что бы то ни стало оставаться на революціонной почвѣ, при своемъ культѣ революціоннаго разрушенія. Защитники политическихъ убійствъ очень рѣдко, полагаю, сознаютъ, что настоящую силу терроризма въ Россіи составляетъ безсиліе революціи; но безсознательный инстинктъ, какъ всегда, указываетъ путь массѣ задѣтыхъ движеніемъ, и потому-то она упорно стремится къ террору, хотя бы вопреки даже усиліямъ наиболѣе способныхъ людей своего же лагеря.

Терроризмъ исчезнетъ у насъ только тогда, когда исчезнетъ мысль дѣйствовать революціоннымъ путемъ. А мысль о революціонномъ пути воспитывается всѣми слабыми сторонами русской общественности. Требованіе усиленной культурной работы, падавшее прямо на этотъ слабый пунктъ, независимо отъ моей воли, явилось въ сущности антиреволюціоннымъ. Самый-же фактъ его постановки является указаніемъ на то, что въ моемъ умѣ революція была уже безсознательно погребена.

И такъ — воздаю полную справедливость лицамъ, забраковавшимъ мою статью. Какъ революціонеры они были правы. Но я — я тоже былъ правъ, какъ человѣкъ, мысль котораго пошла дальше и глубже. У меня была тогда только одна ошибка : что я не рѣшался разстаться съ нѣкоторыми остатками бунта и съ самымъ словомъ революція, которое слишкомъ перехвачено бунтовщиками для того, чтобы служить съ пользой въ какой либо раціональной программѣ (*). Скоро я исправилъ и эту ошибку.

Революціонный періодъ моей мысли кончился и отошелъ въ вѣчность. Я не отказался отъ своихъ идеаловъ общественной справедливости. Они стали только стройнѣй, ясней. Но я увидѣлъ также, что насильственные перевороты, бунты, разрушеніе, всё это болѣзненное созданіе кризиса, переживаемаго Европой — не только не неизбѣжно въ Россіи, но даже мало возможно. Это — не наша болѣзнь. У насъ это нѣчто книжное, привитое, порожденное отсутствіемъ русской національной интеллигенціи. Но не придавать ему значенія, какъ дѣлаютъ многіе либералы, тоже не слѣдуетъ. Конечно, наше революціонное движеніе не имѣетъ силы своротить Россію съ историческаго пути развитія, но оно все таки очень вредно, замедляя и отчасти искажая это развитіе.

(*) Я все таки долженъ напомнить П. Л. Лаврову, какъ впрочемъ и всѣмъ моимъ оппонентамъ, что подъ словомъ революція понимается вовсе не только насильственный переворотъ, на которомъ фиксировано ихъ воображеніе, но и нѣчто совершенно иное : а именно процессъ измѣненія типа даннаго явленія, хотя бы измѣненіе совершилось и вполнѣ мирно. Въ этомъ научномъ смыслѣ слова говорятъ напр. : христіанство совершило путемъ мирной эволюціи величайшую въ мірѣ революцію. Мой революціоннымъ именно и отыскивалъ эту эволюцію, этотъ историческій процессъ измѣненія типа, чтобы дѣйствовать сообразно съ нею. Тогда какъ у П. Л. Лаврова, какъ и у его товарищей, стремленія сводятся не къ отысканію этого типа, не къ усвоенію процесса его развитія, а къ революціоннымъ способамъ или путямъ дѣйствія, т. е. къ дракѣ, къ бунту, къ разрушенію. Они, конечно, очень охотно оправдываются тѣмъ, что будто бы, не разрушивъ того или иного, нельзя дѣйствовать. Это ошибка, и очень перекомендующая совершающихъ её. Я спрошу : эволюція, на которой они основываютъ измѣненіе типа — совершается ли въ странѣ или нѣтъ ? Если да и если они её схватили — значитъ можно дѣйствовать, можно очевидно дѣлать то, что даже и безъ васъ дѣлается въ странѣ. Если же эволюціи такого рода нѣтъ — тогда нечего толковать и о революціи. Такъ выходитъ при попыткѣ придать слову революція серьезный соціологическій смыслъ.

Я не могу входить подробно въ критическій разборъ множества переплетающихся, часто противоположныхъ точекъ зрѣнія, составляющихъ въ сложности теоретическій багажъ революціоннаго движенія. Мнѣ нужно собственно опредѣлить свое отношеніе къ нему. А потому я посвящаю нижеслѣдующее изложеніе только тремъ вопросамъ практически наиболѣе важнымъ : 1) терроризму, 2) студенческимъ волненіямъ, 3) оцѣнкамъ формы государственнаго правленія.

III

Идея террора сама по себѣ да такой степени слаба, что о ней не испытываешь даже желанія говорить. То, что я сказалъ о немъ въ предисловіи къ *la Russie politique et sociale*, совершенно вѣрно : терроризмъ какъ система политической борьбы, или — безсиленъ, или — излишенъ; онъ безсиленъ, если у революціонеровъ нѣтъ средствъ низвергнуть правительство, онъ излишенъ, если эти средства есть. А между тѣмъ онъ вреденъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи. Объ этомъ я сказалъ въ « предисловіи » очень слегка. Составители протеста однако нападаютъ на меня особенно горячо на этомъ пунктѣ, и слабые аргументы « старыхъ язычниковъ », какъ они себя называютъ, именно здѣсь могутъ оказать вліяніе на молодежь, такъ какъ льстятъ ея привычнымъ точкамъ зрѣнія. Поэтому и я выскажу полнѣе свою мысль.

« Старые язычники » вспоминаютъ въ пользу террора старинный аргументъ будто бы это « дезорганизуетъ правительство. » Я еще въ выше приведенной статьѣ (не пропущенной для В. Н. В.) доказывалъ, что онъ прежде всего дезорганизуетъ самую « партію ». Что касается правительства, я бы желалъ видѣть точнѣе формулировку, въ чемъ именно выражается его « дезорганизація » ? Я самъ такъ говорилъ когда то, вмѣстѣ съ другими, но то что могло казаться признакомъ дезорганизаціи до 1884 года — по моему совершенно исчезло потомъ.

Вообще мой выводъ таковъ, что политическія убійства приводили правительство въ нѣкоторое разстройство лишь до тѣхъ поръ, пока оно думало, что передъ нимъ какая то грозная сила; разъ убѣдившись, что это ничтожная горсть, которая потому и занимается политическими убійствами, что не имѣетъ силы на что нибудь серьёзно опасное — правительство, по моему, не обнаруживаетъ никакихъ признаковъ разстройства. Оно усвоило твердую систему, и идетъ своимъ путемъ совершенно безъ колебаній. Безъ сомнѣнія личная жизнь Императора и разныхъ правительственныхъ лицъ, способныхъ навлечь ненависть террористовъ — чрезвычайно испорчена постояннымъ ожиданіемъ покушеній. Но какъ бы ни была непріятна такая жизнь — уступать изъ

за этого конечно никто не станетъ. Во первыхъ это было бы слишкомъ малодушно, во вторыхъ подготовляло бы слишкомъ много опасности въ будущемъ. Сегодня изъ за страха смерти невольно уступать соціалистамъ, а завтра, видя это, крѣпостники, съ такими же угрозами потрэбуютъ уступокъ имъ, а послѣ завтра—крупные капиталисты, и т. д. Это было бы слишкомъ безсмысленно.

Съ этой стороны, т. е. въ смыслѣ политическихъ измѣненій, значеніе террора равно приблизительно нулю. Но за то, онъ отражается самымъ вреднымъ образомъ внизу, на самихъ революціонерахъ и повсюду куда доносится его вліяніе. Онъ воспитываетъ полное презрѣніе къ обществу, къ народу, къ странѣ; воспитываетъ духъ своеволія, не совмѣстимый ни съ какимъ общественнымъ строемъ. Въ чисто нравственномъ смыслѣ какая власть можетъ быть безмѣрнѣе какъ власть одного человѣка надъ жизнью другого? Эта власть, въ которой многіе (и не худшіе конечно), отказываютъ даже самому обществу. И вотъ эту то власть присваиваетъ сама себѣ горсть людей, и убиваетъ она даже не за какія нибудь звѣрства, не за что нибудь такое, что выводило бы ея жертвы за предѣлы человѣческаго рода, — она убиваетъ, такъ сказать, за политическія преступленія. И въ чемъ же состоятъ эти политическія преступленія? Въ томъ, что признанное народомъ, законное правительство не желаетъ исполнять требованій этой горсти людей, которая до такой степени глубоко сознаетъ себя ничтожнымъ меньшинствомъ, что даже не пытается начать открытую борьбу съ правительствомъ.

О я конечно знаю — тутъ можно услышать множество горячихъ восклицаній на тэму —

И съ деспота сорвать вѣнецъ
И возвратить его народу...

Искренность этихъ восклицаній не подлежитъ сомнѣнію, но что въ нихъ вѣрнаго? Возвратить вѣнецъ народу! Вѣдь народъ объ этомъ нисколько не проситъ, а напротивъ обнаруживаетъ постоянно готовность проломить за это голову «освободителямъ». Только отчаянный романтизмъ революціонеровъ позволяетъ имъ жить такими фикціями и третировать русскихъ наслѣдственныхъ самодержцевъ, какъ позволительно третировать какого нибудь узурпатора. Русскій царь не похищалъ своей власти, онъ получилъ её отъ торжественно избранныхъ предковъ, и до сихъ поръ огромное большинство народа ни единымъ звукомъ не показало своего желанія отобрать у Романовыхъ ихъ полномочій.

Кто же тиранъ? Царь или такіе люди, которые сознавая себя ничтожнымъ меньшинствомъ, позволяютъ себѣ убивать представителя народа, лице, котораго законъ страны признаетъ не подлежащимъ никакой отвѣтственности, а церковь этой страны, признаваемая огромнымъ большинствомъ населенія, освящаетъ званіемъ своего свѣтскаго главы?

Мнѣ могутъ возразить, что вопросъ о правѣ не всегда умѣстенъ, что иногда самозванные революціонеры нравственно болѣе представ-

ляютъ народъ, нежели его законные или хоть выборные представители. Это бываетъ конечно. Но прежде всего такіе люди, люди способные на нравственное представительство, не плачутъ, не толкуютъ:

Нужны намъ великія могилы,
Если нѣтъ величія въ живыхъ.

У нихъ есть величіе свое собственное, и свои собственныя могилы. Такія черточки были у людей 1879 года. Но не смотря на это — они всё таки ошибались, и эту ошибку у Желябовыхъ и Михайловыхъ я понимаю, такъ какъ она была сдѣлана ими до опыта. Теперь же, послѣ 10-ти лѣтней баталіи, когда масса народа и даже общество ясно показали, что революціонеры могутъ погибать хоть поголовно, а помощи отъ страны не получатъ — теперь иллюзію нравственнаго представительства я уже не могу объяснить живостью воображенія, а развѣ его косностью и невосприимчивостью.

Или, можетъ быть, царь есть тиранъ, заслуживающій смертной казни, за то, что не признаетъ «естественныхъ», прирожденныхъ правъ человѣка? Нельзя однако не замѣтить, что вопросъ о естественныхъ правахъ человѣка по малой мѣрѣ споренъ; теоретически онъ уяснится только тогда, когда вполнѣ установлена будетъ природа общества и его физіологія; практически онъ становится ясенъ только тогда, когда «естественныя» права признаются законодательствомъ, (какъ напр. Американское или Французское объявленіе правъ человѣка и гражданина). У насъ не было ничего подобнаго, и сами революціонеры въ своей программѣ исходятъ вовсе не изъ «естественныхъ правъ», а изъ «народной воли». Позволительно и царю стоять на той же точкѣ зрѣнія. А засимъ, если бы эти права и легли въ основу программы какой либо партіи — они не дадутъ ей никакого разрѣшенія на политическія убійства, а тѣмъ менѣе на убійство Верховнаго представителя страны, что составляетъ несомнѣнное посягательство на свободу общества.

Институтъ Ленина
4-2719

Въ общей сложности, терроризмъ, практика политическихъ убійствъ, есть система борьбы, которая до сихъ поръ не выяснила сама своего права на существованіе, ни даже своей идеи. Въ дѣйствительности такой идеей можетъ быть только анархическое всевластіе личности и презрѣніе къ власти общества. Но воспитывая цѣлыя поколѣнія въ такихъ идеяхъ, терроризмъ умудряется однако гласно отрекаться отъ нихъ, требуетъ централизаціи, дисциплины. Не есть ли въ цѣломъ это школа хаотизированія мысли, школа, пріучающая людей къ дѣятельности, не освѣщенной никакимъ общимъ соціологическимъ міросозерцаніемъ?

Принижающее дѣйствіе терроризма, стало быть, неизбѣжно, даже если не считать того, что фактически онъ приводитъ къ борьбѣ чисто полицейской. Составители протеста обижаются, что я назвалъ эту борьбу съ сыщиками *abaissante* — принижающей. Но еще бы! Я понимаю еще эти стычки въ видѣ мелкаго эпизода. Но когда борьба съ тайной полиціей и покушенія на жизнь правительственныхъ лицъ дѣлаются базисомъ — это несомнѣнно заставляетъ борющихся мало по мало стано-

виться ниже роли реформатора. Реформаторъ, если онъ не самозванецъ,—долженъ быть умственно и нравственно выше среды, въ которую приноситъ свѣтъ, а стало быть имѣетъ силу и пересоздать ее, повліять на нее. Вотъ его гордость и могущество. Что же сказать, если это вліяніе, эта « культурная работа » начинаетъ казаться quasi-реформаторамъ даже вовсе невозможной, и они начинаютъ дѣйствовать по типу тайной полиціи? По моему это значитъ быть ниже того, чѣмъ должно быть. Привыкая же быть ниже себя, человѣкъ конечно понижается.

Вліяніе самого образа жизни чрезвычайно неблагопріятно для террориста заговорщика. Это жизнь травленнаго волка. Господствующее надъ всѣмъ сознаніе, это сознаніе того, что не только нынче или завтра, но каждую секунду онъ долженъ быть готовъ погибнуть. Единственная возможность жить при такомъ сознаніи — это не думать о множествѣ вещей, о которыхъ однако нужно думать, если хочешь остаться человѣкомъ развитымъ. Привязанность сколько нибудь серьёзная и какого бы то ни было рода — есть въ этомъ состояніи истинное несчастіе. Изученіе какого бы то ни было вопроса, общественнаго явленія и т. п. — не мыслимо. Планъ дѣйствія мало мальски сложный, мало мальски обширный, не можетъ прійти даже въ голову. Всѣхъ поголовно (исключая 5—10 единомышленниковъ) нужно обманывать съ утра до ночи, отъ всѣхъ скрываться, во всякомъ человѣкѣ подозрѣвать врага. Наше революціонное движеніе подъ часъ привлекало настолько выдающіяся силы, что они могли немножко думать и работать даже при такой противуестественной жизни, но на сколько и они — этотъ цвѣтъ — становились ниже того, чѣмъ могли быть. О людяхъ средняго роста — нечего и толковать. Составители « протеста » для возбужденія негодованія публики пишутъ, что, стало быть, я называю принижающей дѣятельность «своихъ собственныхъ друзей » Желябова, Михайлова, Перовской... Эта инсинуація прежде всего не есть аргументъ. Неужто въ дѣятельности друзей не позволительно находить что либо ошибочное? Публика притомъ можетъ вспомнить, что Желябовъ, Михайловъ, Перовская выработали свою личность совершенно не на терроризмѣ, и погибли слишкомъ рано для того, чтобы испытать воздѣйствіе начатой борьбы, которая у нихъ притомъ была безъ сравненія шире, чѣмъ у ихъ маленькихъ преемниковъ. Если бы они остались живы — то вѣроятно давно бросили бы эту борьбу, увидавши ея послѣдствія. Но если бы они до сихъ поръ не погибли и не вырвались наче чаянія изъ засасывающей обстановки « терроризма », конечно и они бы неизбѣжно испытали ея принижающее вліяніе. Для людей меньшого калибра эта безпрерывная возня со шпіонами, фальшивыми паспортами, конспиративными квартирами, динамитами, засадами, мечтами объ убійствахъ, бѣгствами — безъ сомнѣнія еще гораздо фатальнѣе.

IV

Второе проявленіе нашей « революціи » составляютъ волненія молодежи, уничтожающіе такой огромный процентъ ея лучшихъ силъ.

Я зналъ въ Россіи, среди тѣхъ которые сами гибнутъ, немало революціонеровъ, которые жалѣли молодежь. Еще недавно одинъ изъ такихъ людей, которому я высказалъ свои взгляды столь же откровенно, какъ въ настоящей брошюрѣ, просилъ меня обратиться къ молодежи съ товарищескимъ увѣщаніемъ — учиться и готовиться къ жизни, а не бросаться преждевременно въ политику.

Составители заграничнаго протеста очевидно думаютъ иначе. Они боятся, чтобы я не произвелъ охлаждающаго дѣйствія на молодежь. « Сколько молодыхъ, формирующихся силъ, говорятъ они, обрекаются на нравственную смерть, на внутреннее разложеніе въ смутную эпоху, когда всякая (!) эволюція (!?) человѣка, повидимому уже установившагося (т. е. меня грѣшнаго) служитъ для нерѣшительныхъ и колеблющихся поощреніемъ и призывомъ быть неметной сумой ».

Я нарочно цитирую эти строки, это яркое знаменіе времени, указывающее, что пора одуматься, пора снова приняться за выработку своей личности, своего ума и совѣсти. Пусть читатели вдумаются только въ узкій, кагальный духъ, пропитывающій обращенные ко мнѣ упреки.

Всякая эволюція страшитъ его авторовъ; нравственная жизнь состоитъ для нихъ въ томъ чтобы быть, « какъ наши », критика, самостоятельный выборъ — составляютъ « внутреннее разложеніе », « колеблющихся и нерѣшительныхъ » они бы желали захватить къ себѣ, не заботясь объ отсутствіи убѣжденій, а довольствуясь пассивнымъ послушаніемъ и подражаніемъ.

Нѣтъ, въ такую смутную эпоху, столь бѣдную умственной работой, столь принижанную нравственно — примѣръ смѣлаго исканія правды, примѣръ честнаго отказа отъ ошибки, безъ трепета передъ преслѣдованіемъ, клеветой, бранью — это именно то, что наиболѣе нужно для « колеблющихся и нерѣшительныхъ. »

Колеблющіеся и нерѣшительные! Вы, которые имѣли счастье еще не оцѣпенѣть въ пассивномъ слѣдованіи за « нашими » — выслушайте меня, одного изъ немногихъ, кто не боится дать себѣ отчётъ въ своемъ опытѣ и своихъ ощущеніяхъ. Можно со мною не соглашаться, но только обратите вниманіе на мою эволюцію. Вы отъ этого только выиграете. Если проявленіе умственной работы невыгодно для какой нибудь программы — если для служенія какой либо партіи нужны умы гипнотизированные, нужна пассивная совѣсть старовѣра — это доказываетъ лишь ложность программы. Нравственная смерть именно и состоитъ въ этомъ окостенѣніи совѣсти, которая жива лишь тогда, когда дѣйствуетъ, оцѣниваетъ и выбираетъ.

Мой совѣтъ молодежи : думайте, наблюдайте, учитесь, не вѣрьте на слово, не поддавайтесь громкимъ фразамъ, не позволяйте себя застра-

щивать ни « великими могилами », ни « переметными сумами ». Примѣрьте двадцать разъ прежде чѣмъ отрѣжете.

Я говорю это не только потому, что мнѣ жаль видѣть, какъ погибаетъ молодежь. Конечно есть и это. Меня возмущаетъ, когда я слышу разсужденія : « Пусть бунтуютъ, это конечно пустяки, но изъ этихъ людей всѣ равно ничего серьёзнаго не можетъ выйти, а тутъ все таки — протестъ ». Я — сознаюсь охотно — предпочитаю видѣть, что маленькій, обыкновенный человѣкъ, « негодный ни къ чему серьезному », живетъ, какъ умѣетъ, счастливо, а не качается на перекладинѣ и не гніетъ въ казематѣ. Но дѣло не только въ этомъ, не въ личной судьбѣ сотень и тысячъ молодыхъ людей. Тутъ замѣшаны очень и очень близко величайшіе интересы Россіи.

Учащаяся молодежь — это слой, изъ котораго вырастаетъ впослѣдствіи государственная и умственная жизнь страны, слой драгоцѣнный, который подготовляетъ родинѣ неоцѣнимыя блага, если стоитъ на высотѣ своей будущей миссіи; но который также можетъ принести много зла ужъ однимъ тѣмъ, что не умѣетъ выполнить, какъ слѣдуетъ добра. Это налагаетъ на учащуюся молодежь серьёзныя обязанности — добросовѣстно подготовиться къ будущей роли. Недостаточно имѣть добрыя намѣренія, недостаточно имѣть горячее чувство, нужны знанія, нужно умѣнье, и особенно выработка умственной самостоятельности. Русская учащаяся молодежь должна помнить, что всѣ будущіе « учители », всѣ способные руководить политикой, или давать направленіе мысли Россіи — всѣ они могутъ выйти только изъ этого слоя. Какое банкротство готовитъ своей странѣ поколѣніе, которое не выработаетъ къ своему времени достаточнаго количества людей мужественныхъ, крѣпкихъ духомъ, способныхъ всегда отыскать свой собственный путь, не поддаваясь первому впечатлѣнію, или вліянію политической моды, а тѣмъ болѣе пустымъ фразамъ, посредствомъ которыхъ шарлатаны повсюду эксплуатируютъ довѣрчивыя сердца ?

Россія — страна съ великимъ прошлымъ, съ еще болѣе великимъ будущимъ. Но она имѣетъ свои недостатки, изъ которыхъ одинъ, очень важный, особенно близко касается учащейся молодежи : это крайняя незначительность серьёзно образованнаго, мыслящаго слоя, способнаго къ серьезной умственной работѣ. Опасность этого недостатка очевидна, такъ какъ этотъ слой даетъ тонъ всей работѣ каждой страны, касается ли дѣло политики, промышленности, воспитанія, и т. д.

Слабость этого « мозга страны » отражается на всей массѣ образованнаго слоя двояко : во первыхъ, въ видѣ плохого качества ходячихъ понятій, распространенныхъ въ публикѣ, и прививаемыхъ мало по малу къ массѣ народа; во вторыхъ — самая манера мыслить, умѣнье мыслить, способъ выработки понятій — остается весьма неудовлетворительнымъ.

Низкое качество политическихъ и соціальныхъ понятій, находящихся у насъ въ обращеніи, зависитъ отъ того, что по незначительности серьёзныхъ умственныхъ силъ, соціальная наука не разработывается на

изученіи нашей собственной страны и представляемыхъ ею общественныхъ явленій. Въ этомъ значительно виновата и цензура, но вліяніе ея не слѣдуетъ преувеличивать. Главная причина заключается въ насъ самихъ, въ нашей манерѣ мыслить.

Въ русскомъ способѣ мышленія характеристичны двѣ стороны : отсутствіе вкуса и уваженія къ факту, и наоборотъ безграничное довѣріе къ теоріи, къ гипотезѣ, мало мальски освящающей наши желанія. Это должно происходить очевидно отъ малой способности мозга къ напряженной умственной работѣ. Голова, слишкомъ быстро устающая, не можетъ справиться съ безконечными міріадами фактовъ, наполняющихъ жизнь, и получаетъ къ нимъ нѣчто вродѣ отвращенія. Гипотеза напротивъ её радуетъ, давая кажущееся пониманіе явленій безъ утомительнаго напряженія. Эти явленія естественны въ народѣ, такъ недавно начавшемъ учиться. Но ихъ нужно сознавать, понимать, исправлять. Среда учащейся молодежи особенно должна подумать объ этомъ, такъ какъ она именно и занимается спеціально выработкой своей мысли.

Наша общественная мысль переполнена всевозможными предвзятостями, гипотезами, теоріями одна одной всеобъемлющѣе и воздушнѣе. Воспитаніе совершается до того на общихъ мѣстахъ, общихъ соображеніяхъ, что я боюсь, не понижаетъ ли оно скорѣе способности къ правильному мышленію. « Русская смекалка » проявляется у интеллигенціи гораздо слабѣе, нежели у крестьянъ, о практичности же нечего и говорить...

Какъ часто нравственная жизнь образованнаго человѣка представляетъ двѣ крайности. Сначала безумный жаръ фанатика, не допускающаго скептицизма, видящаго въ обсужденіи только подлость или трусость; это потому что его яко бы убѣжденія не имѣютъ ничего общаго съ фактами, а составляютъ чисто логическій выводъ изъ принятой на вѣру гипотезы. Но увы — жизнь идетъ своимъ чередомъ, не по теоріи, она безжалостно бьетъ мечтателя; а онъ — не имѣя въ умѣ другого содержанія, кромѣ логическихъ построеній — начинаетъ сердиться на жизнь, ему кажется, что она безсовѣстно обманываетъ его. Наступаетъ второй періодъ — озлобленное разочарованіе, а иногда и мщеніе жизни, не умѣвшей оцѣнить столь великаго человѣка...

V

Фантазерское состояніе ума, обычное въ нашемъ среднемъ образованномъ кругу, достигаетъ высшаго выраженія у революціонеровъ. Тутъ романтизмъ (*) міросозерцанія доходитъ до послѣднихъ предѣловъ. Дѣйствительность всецѣло разсматривается сквозь призму теоріи. Нѣтъ ничего что отражалось бы въ этомъ міросозерцаніи въ

(*) Авторы протеста вспоминаютъ мою фразу о томъ, что « революціонная мысль всегда реальна. » Если бы они вникали въ смыслъ словъ, не удовлетворяясь звукомъ,

съ ихъ дѣйствительныхъ размѣрахъ. Можно было бы написать цѣлые томы критическихъ этюдовъ по поводу отсутствія художественной правды въ представленіяхъ революціонеровъ, гдѣ непропорціональность частей и раздутость образовъ составляетъ общее правило. Мнѣ конечно этимъ заниматься по крайней мѣрѣ теперь — невозможно. Но есть нѣсколько точекъ зрѣнія, о которыхъ я обязанъ сказать два, три слова, собственно чтобы обратить въ эту сторону вниманіе молодежи.

До сихъ поръ сталкиваясь съ революціонной молодежью я слышу то, что когда то говорилъ и самъ. Многихъ толкаетъ въ преждевременную политику то соображеніе, будто бы Россія находится на краю гибели, и погибнетъ чуть не завтра если не будетъ спасена чрезвычайными революціонными мѣрами. Иногда это говорится не о Россіи, а объ общинѣ, и т. д. Изъ діагноза одинаково слѣдуетъ выводъ, что ждать — преступно — и всякій долженъ идти немедленно на спасеніе родины съ тѣмъ оружіемъ, которое имѣетъ сейчасъ.

Что можетъ быть однако фантастичнѣе такого діагноза! Каково бы ни было положеніе Россіи или какого нибудь общественнаго явленія — несомнѣнно одно : они не могутъ ни погибнуть такъ скоро, ни быть такъ легко спасены. Я вѣрю въ значеніе личности въ исторіи; я вѣрю во вліяніе идей : разрушающія или созидательныя, выработанныя мѣстной жизнью или занесенныя извнѣ — онѣ не менѣе реальная сила, чѣмъ матеріальныя условія. Я врагъ теоріи, будто всѣ дѣлается « само собой. » Но всему есть мѣра. Зачѣмъ этотъ фальшивый складъ ума, при которомъ мы способны понимать личность или полнымъ нулемъ, или — ужъ если не нуль, то

Ступитъ на горы — горы трещатъ.

На самомъ дѣлѣ существуетъ нѣчто иное. Въ обществѣ, какъ повсюду въ природѣ, идетъ вѣчное взаимодѣйствіе силъ, закономѣрное и пропорціональное. Личность есть для исторіи нѣчто, но нѣчто лишь извѣстной величины. Она вліяетъ на общество. Но для быстроты ли роста или разрушенія въ обществѣ есть извѣстный предѣлъ, обусловливаемый взаимодѣйствіемъ поколѣній, и этого предѣла не перейдетъ ни злонамѣренность, ни благонамѣренность. Разница въ быстротечности жизни личности и общества такова, что личность всегда имѣетъ время обсудить и изучить положеніе. Очень быстро погибаетъ только то, что уже совсѣмъ подгнило и не можетъ быть спасено никакими средствами. Стало быть, какъ говорятъ французы — il faut prendre tout au serieux et rien au tragique. Незачѣмъ нервничать и бросаться, очертя голову, неизвѣстно куда. Россія можетъ только выиграть, если бы молодежь дала зарокъ не мѣшаться въ политику, не посвятивъ по крайней мѣрѣ

они безъ труда бы увидали, что революція, о которой говорю я, и которая таится въ сотвореніи міра, есть именно, по ихъ бунтовской терминологіи, эволюція, а не революція, и ничего общаго съ ихъ « революціонными способами дѣйствія » не имѣетъ.

Нелюбезность къ « бапзорукимъ говорграмъ » не есть конечно аргументъ, и только показываетъ, какъ я старался тогда спасти слово революція, какъ мнѣ не хотѣлось съ нимъ разстаться

5 — 6 лѣтъ на окончаніе курса и нѣкоторое ознакомленіе съ Россіей, ея исторіей, ея настоящимъ положеніемъ.

Студенческое вмѣшательство въ политику даетъ наиболѣе вредныя послѣдствія въ формѣ разныхъ демонстрацій, когда чуть не въ 24 часа, изъ за грошоваго протеста противъ какого нибудь несчастнаго инспектора, — погибаетъ для страны нѣсколько сотенъ молодыхъ, незамѣнимыхъ силъ. « Лучше что нибудь, чѣмъ ничего, повторяютъ подстрекатели, лишь бы не спячка ». И такое разсужденіе къ сожалѣнію дѣйствуетъ и продолжаетъ въ зародышѣ истреблять русскую цивилизацію!

Я спрашиваю однако, есть ли это спячка, если студенты готовятся къ служенію Россіи съ тѣмъ религіознымъ трепетомъ, который описывается для кружковъ 40-хъ годовъ? Есть ли это моментъ спячки, когда Бѣлинскій на приглашеніе идти обѣдать отвѣчаетъ съ укоромъ : « мы еще не рѣшили, существуетъ ли Богъ, а вы — обѣдать »! Есть ли состояніе спячки, когда молодежь честно старается понять исторію своей страны, ея учрежденія, общіе законы соціальныхъ явленій, выбираетъ себѣ наилучшіе, наиболѣе для каждаго подходящіе пути будущей дѣятельности и приготовляется къ нимъ?

Съ другой стороны, велика ли нравственная сила, велико ли развитіе самообладанія, способности дѣйствовать по разсчёту и плану — въ такихъ рефлективныхъ вспышкахъ, когда сотни и тысячи молодыхъ людей, хотя бы и вызываемые безобразнымъ поведеніемъ своей администраціи — играютъ въ руку реакціонерамъ и отнимаютъ у Россіи всё, чѣмъ они, студенты, могутъ имѣть для нея дѣйствительную цѣнность? Рядомъ съ честнымъ порывомъ я здѣсь вижу огромную дозу легкомыслія. Я нисколько не защищаю ни правительства, ни администраціи, а только спрашиваю, такое ли поведеніе наиболѣе прилично для молодежи, достойной своихъ гражданскихъ обязанностей? Не должны ли они быть выше этихъ ничтожныхъ волненій, не должны ли понимать, что не имѣютъ права губить за грошъ силу, которая нѣсколько лѣтъ спустя — выросла бы въ огромный капиталъ для Россіи. Мнѣ уже возражали на это : « Вы ставите для молодежи невозможныя требованія; она не можетъ имѣть такой выдержки и такъ серьезно относиться къ жизни. » Я не принимаю возраженія. Болѣе выдающаяся часть студенчества была бы къ этому совершенно способна сама по себѣ и съумѣла бы дать тонъ остальной массѣ товарищей, если бы не была постоянно шпигуема разными бунтовскими точками зрѣнія. Развѣ не фактъ, что стоитъ университету не бунтовать 8 мѣсяцевъ, какъ со всѣхъ сторонъ начинаютъ раздаваться обвиненія, что « студенчество опошлилось, измельчало, развратилось » и не знаю еще что? Но оставляя даже въ сторонѣ то, что имѣетъ характеръ прямого подстрекательства, — какъ дѣйствуютъ на молодежь такія напр. разсужденія : « Да, хорошо бы основательно подготовиться, пріобрѣсти общественное положеніе. Тогда можно бы имѣть серьёзное, глубокое вліяніе... Но вѣдь пока будешь служить, пробиваться — неизбѣжно

испортиться, прободеть въ смыслѣ силы живой, желающей дѣйствовать. » Я упоминаю объ этомъ разсужденіи потому, что оно чрезвычайно распространено, и въ подтвержденіе его справедливости можно нерѣдко услыхать ссылки на несомнѣнные факты. Я самъ знаю такіе факты; но дѣло въ томъ, что они, по моему, объясняются совершенно иначе.

Человѣкъ, отказывающійся отъ бунтовской дѣятельности, сплошь и рядомъ у насъ дѣйствительно портится, становится своекорыстнымъ карьеристомъ и загребалой — кулакомъ. Но это есть послѣдствіе тѣхъ ложныхъ превратныхъ идей, по которымъ значится, что только бунтуя, уничтожая на право и на лѣво, человѣкъ остается честнымъ. Эта точка зрѣнія чрезвычайно укоренена въ нашихъ понятіяхъ; поэтому человѣкъ рѣдко покидаетъ бунтовство по убѣжденію, а большею частью противъ убѣжденія, подъ давленіемъ инстинкта созрѣвшаго организма. Нашъ упротворяющійся бунтовщикъ не умѣетъ понять истины, не умѣетъ стать выше привитыхъ идей бунтовского аскетизма, и умираясь самъ смотритъ на это, какъ на уступку, какъ на паденіе. Но тогда разумѣется его перемѣна и выходитъ паденіемъ, ренегатствомъ, а разъ павши, бросивъ идею, которой нелѣпости онъ нисколько не сознаетъ, человѣкъ разумѣется махаетъ на все рукой, и опускается все ниже...

Но я обращаюсь не къ слабости, не къ инстинктамъ, не къ эгоизму, а къ совѣсти и разуму... Если человѣкъ полагаетъ, что его долгъ рвать и метать — пусть рветъ и мечетъ. Я ему только говорю, что это ошибка, и — разсудивъ, онъ часто согласится со мной, не въ видѣ уступки, а по сознательному убѣжденію. А тогда — какая можетъ быть порча? Человѣкъ съ лѣтами дѣлается конечно спокойнѣе, осмотрительнѣе, это неизбѣжно, и въ этомъ нѣтъ ничего плохого, ибо каждому поколѣнію осмотрительность необходима не менѣе, чѣмъ предпріимчивость. Но измѣнить дѣлу развитія страны, сдѣлаться нечестнымъ — не понимаю — почему бы онъ сдѣлалъ это? Въ тѣхъ рѣдкихъ у насъ случаяхъ, когда человѣкъ служитъ мирному прогрессу не по трусости, а по убѣжденію, онъ проявляетъ не меньше стойкости, чѣмъ самые лучшіе образчики революціоннаго типа. Думаю, что порывшись въ воспоминаніяхъ каждый читатель съумѣетъ найти одинъ два такихъ примѣра. Если ихъ мало до сихъ поръ — вина въ томъ падаетъ на господствующія у насъ теоріи, а не на плохое воспитательное значеніе культурной дѣятельности.

VI

Вопросъ о культурной дѣятельности приводитъ меня прямо къ вопросу о Самодержавіи, о которомъ впрочемъ и безъ того необходимо объясниться. Въ настоящее время отношеніе къ царской власти составляетъ чуть ли не самую характеристическую черту революціонеровъ. Разъ человѣкъ противъ царя и толкуетъ о его низверженіи — онъ « свой », и даже соціалисты не особенно присматриваются къ остальнымъ взглядамъ его. Что касается культурной дѣятельности — о ней хоть не упоминай. « Какая можетъ быть культурная дѣятельность при неограниченной власти царя »?!

Я, къ несчастью, вѣрю въ искренность этого возраженія, я самъ его дѣлалъ, но теперь — какъ тяжело его выслушивать! Нѣтъ въ Россіи большаго доказательства нашей некультурности, какъ это непониманіе силы ума и знанія и эта неспособность сколько нибудь самостоятельно оцѣнить достоинства политическихъ формъ. Во первыхъ, каково бы ни было правительство — оно можетъ отнять у народа всѣ, что угодно представить, но не возможность культурной работы (предполагая, что народъ къ ней способенъ). Во вторыхъ, можно ли до такой степени забывать собственную исторію, чтобы восклицать — « какая культурная работа при царяхъ »! Да развѣ Петръ не царь? А есть ли во всемірной исторіи эпоха болѣе быстрой и широкой культурной работы? Развѣ не царица Екатерина II? Развѣ не при Николаѣ развивались всѣ общественныя идеи, какими до сихъ поръ живетъ русское общество? Наконецъ много ли республикъ, которыя въ теченіе 25 лѣтъ сдѣлали бы такъ много улучшеній, какъ сдѣлалъ Императоръ Александръ II? На всѣ такіе факты у насъ только и находятся жалкія фразы, вродѣ того, что это сдѣлано « вопреки самодержавію. » Но если бы даже и такъ: не все ли вамъ равно « благодаря » или « вопреки », коль скоро прогрессъ и очень быстрый оказывается возможенъ?

Я смотрю на вопросъ о самодержавной власти такъ. Прежде всего — она составляетъ въ Россіи (какова она есть) явленіе, которое совершенно безполезно обсуждать. Это такой результатъ русской исторіи, который не нуждается ни въ чьемъ признаніи, и никѣмъ не можетъ быть уничтоженъ, пока существуютъ въ странѣ десятки и десятки милліоновъ, которые въ политикѣ не знаютъ и не хотятъ знать ничего другого.

Есть люди, которые, подмѣчая глубокіе корни самодержавія въ Россіи, выводятъ отсюда, что тѣмъ болѣе необходимо съ нимъ бороться. Я не считаю ни справедливымъ, ни разумнымъ, ни полезнымъ такое высокомѣрное отношеніе къ многомилліонному народу. Фактъ, очень прочный въ жизни его, — всегда имѣетъ за себя какія нибудь вѣскія основанія. Поэтому я наоборотъ заключаю, что русскій — долженъ признать установленную въ Россіи власть, и думая объ улучшеніяхъ, долженъ думать о томъ, какъ ихъ сдѣлать съ самодержавіемъ, при самодержавіи.

Одинъ пріятель-революціонеръ мнѣ пишетъ, что такое дѣйствіе черезъ самодержавіе только вредно, такъ какъ люди, вродѣ Кисслевыхъ и Милютиныхъ — вводя кое какія улучшенія, лишь « замедляютъ этимъ разрушеніе самодержавія. » Я никакъ не могу согласиться съ этой точкой зрѣнія.

Во первыхъ, придерживаясь ея можно сдѣлать упреки не однимъ Кисслевымъ и Милютинымъ, а всѣмъ, кто способствуетъ развитію

Россіи. Развѣ Пушкинъ, Гоголь, Толстой не составляютъ доказательства, что величайшій прогрессъ литературы совмѣстимъ съ Самодержавной Монархіей. Не вредны ли они стало быть? Не полезнѣе ли въ этомъ случаѣ для Россіи авторъ « Англійскаго Милорда Георга » Не вредный ли человѣкъ Муравьевъ Амурскій, давшій самодержавію славу укрѣпленія Россіи на Тихомъ Океанѣ? Не полезнѣе ли дѣятельность интендантскихъ воровъ, губящихъ всѣ усилія нашихъ войскъ? Разсуждающіе такъ забываютъ, что форма правленія не исчерпываетъ еще жизни страны. Будьте республиканцами, если угодно, но обязанность передъ страной заставляетъ васъ извлекать для нея наибольшую пользу изъ всякаго положенія, въ какомъ она находится. Спрошу моего пріятеля : если бы мы, повторяя « чѣмъ хуже, тѣмъ лучше », позволили себѣ нарочно искажать и портить дѣйствія существующаго правительственнаго механизма и привели бы его къ полному распаденію, а между тѣмъ оказалось бы въ тоже время, что страна никакой другой формы не вмѣщаетъ? Какъ назвать тогда нашъ образъ дѣйствія. Какъ оцѣнить его результаты?

А впрочемъ, толкуя объ этомъ вопросѣ, необходимо условиться въ исходномъ пунктѣ : чего мы желаемъ, куда хотимъ прійти?

Есть на свѣтѣ двѣ концепціи общества и два связанныхъ съ ними идеала. Всѣ люди добра согласны въ томъ, что граждане должны быть обезпечены матеріально, имѣть средства для духовнаго и физическаго развитія, должны быть обезпечены въ своихъ правахъ, въ своей, какъ принято говорить, « свободѣ ». Тутъ спорить не о чемъ. Но въ возрѣніяхъ на типъ общества — существуетъ цѣлая пропасть.

Соціальный организмъ (*) или соціальный аморфизмъ? Вотъ эти двѣ точки зрѣнія. Для однихъ — всякая работа, всякія функціи общества отправляются и должны отправляться правильно организованнымъ способомъ, т. е. посредствомъ спеціально къ тому приспособленныхъ учрежденій, вооруженныхъ конечно необходимой для дѣйствія компетенціей и властью. Такимъ путемъ совершается человѣческій прогрессъ и развивается общество, строеніе котораго постоянно все усложняется.

Другимъ кажется, что общество идетъ къ какому то упрощенію, къ равномѣрному разлитію всѣхъ спеціальностей и всѣхъ формъ власти въ массѣ гражданъ. Функціи учрежденій переносятся на личности, и каждая личность заключаетъ въ себѣ нѣкоторую долю всѣхъ соціальныхъ компетенцій.

Я человѣкъ первой концепціи, и для меня общество, какъ нѣкоторый процессъ органическій, создающій нѣчто все усложняющееся въ своей организованности — это не есть идеалъ, это просто фактъ. Свои

(*) Вопросъ о соціальномъ организмѣ я уже разбиралъ подробно; напомню читателямъ, что я нахожу огромныя различія въ немъ сравнительно съ организмомъ біологическимъ: это разница между прочимъ приводитъ къ требованію развитія личности какъ основы прочности общества

идеалы общежитія я могу строить только примѣняясь къ этому коренному соціологическому факту.

Возвращаюсь къ нашему вопросу. На критику Самодержавія—я прежде всего замѣчу, что всякое измѣненіе въ организаціи центральной власти можетъ быть желательно лишь тогда, когда одно, худшее, замѣняется и дѣйствительно замѣняется, а не на словахъ только — чѣмъ нибудь лучшимъ. Разрушеніе же, ничего не создающее я считаю вреднымъ, такъ какъ оно лишь ослабляетъ общественный организмъ.

Чѣмъ же критики Самодержавія замѣнятъ его? Прежде всего у враговъ Самодержавія есть силы развѣ только на то, чтобы его тревожить и мѣшать ему въ правильномъ отправленіи функцій. Уже по одному этому критика выходитъ совершенно безплодна. Если бы предположить, что какой нибудь Императоръ согласился или минутно былъ вынужденъ на ограниченіе своего самодержавія, это ограниченіе было бы чисто фиктивно, такъ какъ огромное большинство народа всегда готово было бы по первому слову царя разогнать людей, его яко бы « ограничивающихъ »; власть царя была бы въ сущности ограничена лишь его собственнымъ попущеніемъ. Что не можетъ быть достигнуто такимъ « ограниченіемъ » ? На этотъ фактъ давно указывали славянофилы, и сознаніе его спасло бы для Россіи много честныхъ силъ, погибающихъ безполезно или вредно, а также улучшило бы дѣйствіе самого правительственнаго механизма.

Я скажу однако больше. Если бы какія либо поправки или измѣненія въ нашей системѣ государственнаго управленія и оказывались возможны, о нихъ слѣдуетъ думать съ большой осторожностью. Всякая страна нуждается прежде всего въ правительствѣ прочномъ, т. е. не боящемся за свое существованіе, и сильномъ, т. е. способномъ осуществлять свои предначертанія. Тѣмъ болѣе нуждается въ немъ Россія съ ея далеко незаконченными національными задачами и съ множествомъ внутреннихъ неудовлетворенныхъ запросовъ. Сильная монархическая власть намъ необходима, и думая о какихъ либо усовершенствованіяхъ, нужно прежде всего быть увѣреннымъ, что не повредишь ея существеннымъ достоинствамъ. У насъ многіе мечтаютъ о парламентаризмѣ, но въ немъ есть только одна цѣнная черта — постоянное обнаруженіе народныхъ желаній и мнѣній, а засимъ парламентаризмъ, собственно какъ система государственнаго управленія, именно въ высшей степени неудовлетворителенъ. Это обстоятельство, которое не мѣшало бы принять во вниманіе критикамъ самодержавія.

Третье замѣчаніе, которое я имъ сдѣлаю — это что всякое правительство, если только оно не поставлено въ невозможность дѣйствовать, дѣйствуетъ приблизительно въ томъ направленіи, которое опредѣляется матеріальными условіями страны, и обращающимися въ ней идеями Вотъ гдѣ нужно искать дѣйствительный источникъ многихъ неустройствъ, терзающихъ Россію.

Когда я окидываю взглядомъ свою жизнь — какъ много ошибокъ

вспоминаю я въ дѣйствіяхъ правительства (*), напр. хоть бы по отношенію къ слою, мнѣ непосредственно извѣстному — передовой интеллигенціи: какой громадный 0/0 нашихъ ошибокъ падаетъ на мѣры самого правительства, не умѣвшаго стать выше молодежи, не умѣвшаго быть иногда ни твердымъ, ни справедливымъ, ни великодушнымъ! Всё это такъ. Но какой 0/0 этихъ самыхъ ошибокъ правительства обратно падаетъ на насъ, на русскій образованный слой? Подумайте только: да вѣдь это наши ошибки, наша неразвитость!

Дѣйствительно — откуда монархія можетъ брать своихъ людей, свои мѣропріятія, если не изъ среды образованнаго класса? Самый способный и благонамѣренный государь можетъ лишь удачно или неудачно выбирать людей, но не можетъ самолично рѣшать всѣ вопросы администраціи, соціологіи, политической экономіи. Если слой народа, сосредоточивающій въ себѣ знанія страны, имѣетъ идеи легкомысленныя или хаотическія, или полныя ни къ чему не приложимаго теоретизма — что дѣлать царю?

У насъ же политическая роль образованнаго класса въ теченіи всего XIX вѣка, а особенно въ наше время далеко не всегда заслуживаетъ аттестата зрѣлости и нерѣдко могла только отнимать у правительства возможность пользоваться образованными силами страны. Не говорю объ исключеніяхъ. Общее же правило состоитъ въ томъ, что молодежь и вообще наиболѣе передовой слой, въ теоріи — витаетъ въ областяхъ совершенно заоблачныхъ; на практикѣ же — кидается въ предпріятія, способныя привести въ отчаяніе государственнаго человѣка: то, смотришь, русскіе участвуютъ въ польскомъ мятежѣ, то идутъ въ народъ съ мечтами о федераціи независимыхъ общинъ и планами повсемѣстныхъ возстаній, то создаютъ идею и практику террористической борьбы. Всё это дѣлается съ убѣжденіемъ фанатика, со страстной энергіей, съ чудесами самоотверженія: хоть плачь! Старшіе же поколѣнія, или болѣе умѣренные — чѣмъ заняты въ это время? Они проявляютъ, какъ правило, полнѣйшую неспособность къ самостоятельной умственной работѣ, и не могутъ создать ничего, способнаго сколько нибудь дисциплинировать умы молодежи и подчинить её вліянію какихъ либо серьёзныхъ, научно выработанныхъ доктринъ. Во вторыхъ, эти старшія поколѣнія на столько робки, что даже боятся противурѣчить передовымъ, а иногда и прямо подпадаютъ подъ ихъ вліяніе. Короче — этотъ болѣе умѣренный слой, въ общемъ, оказывается совершенно неспособнымъ руководить движеніемъ умовъ и давать ему направленіе. А между тѣмъ онъ, если и не мечтаетъ объ ограниченіи верховной власти — то по крайней мѣрѣ держитъ себя такъ не тактично, что возбуждаетъ подозрѣнія и недовѣріе государей. Не имѣя силы ни взять, ни удержать конституцію, онъ однако постоянно надоѣдаетъ правительству стонами объ увѣнчаніи зданія, и чтобы доказать необходимость этого увѣнчанія, прибѣгаетъ къ самой тенденціозной

(*) Я говорю о правительствѣ, прошу замѣтить, а не о государяхъ.

пристрастной критикѣ всѣхъ мѣръ, какія бы ни были предприняты правительствомъ. Это вызываетъ большею частью не нужныя, но понятныя репрессаліи со стороны правительственныхъ лицъ, и еще болѣе обостряетъ взаимныя отношенія.

При такихъ условіяхъ прогрессивные элементы, можно сказать, сами себя вытѣсняютъ изъ участія въ управленіи страной. Если они тамъ еще удерживаются, то благодаря личнымъ качествамъ либераловъ, которые столь же часто высоки, сколько слабы ихъ партійныя отличительныя черты. Кто же виноватъ, что правительство принуждено было брать людей, а стало быть и системы тамъ, гдѣ могло это сдѣлать безъ опасенія за цѣлость трона, т. е. напр. у Каткова?

Но Катковъ, который какъ практическій политикъ, обладалъ проницательностью необыкновенной и самостоятельностью мысли, поразительной въ Россіи, вовсе не былъ творческимъ умомъ въ отношеніи соціальныхъ вопросовъ. Испуганный интенсивностью революціоннаго движенія, и безсиліемъ либераловъ, оставаясь весь вѣкъ на аванпостахъ, «противъ теченія», онъ весь ушелъ въ заботу о развитіи чисто внѣшней силы правительства. Въ смыслѣ устроенія онъ ничего не создалъ и если предохранилъ правительство отъ нѣкоторыхъ ошибокъ, то съ другой стороны не мало ихъ и навязалъ ему.

Недостатки системъ, принимавшихся правительствомъ, падаютъ вины прежде всего на образованный классъ, какъ въ лицѣ его консервативной части, такъ и особенно въ лицѣ его прогрессивныхъ элементовъ. Но пусть эти элементы потрудятся выработать свои общественные планы собственнымъ умомъ, пусть эти планы, стало быть, будутъ болѣе сообразны съ дѣйствительностью страны — и они, конечно, получатъ у царей такой же отзвукъ, какъ и при всякомъ другомъ образѣ правленія.

Таково мое мнѣніе.

VII

Этими строками я и могъ бы закончить свое объясненіе, такъ какъ изложеніе моей, такъ сказать, программы не входитъ въ мои цѣли. Но для того, чтобы окончательно опредѣлить мое отрицаніе революціонныхъ путей, я хочу обрисовать въ двухъ трехъ словахъ хоть нѣкоторыя стороны того направленія, торжество котораго желалъ бы видѣть въ Россіи.

Революціонное движеніе есть не причина а только признакъ зла, отъ котораго главнѣйше страдаетъ современная Россія. Зло это, какъ я уже сказалъ — недостатокъ серьезно выработанныхъ умовъ въ образованномъ классѣ, вслѣдствіе чего вся умственная работа этого класса отличается очень невысокимъ качествомъ. Клеймо недостатковъ, которые создаются полуобразованіемъ (*), лежитъ нерѣдко на работѣ даже самыхъ выдающихся талантовъ нашихъ. Вотъ зло, губящее лучшія

(*) Зло полуобразованія заключается не въ маломъ количествѣ свѣдѣній — у крестьянина ихъ еще меньше — а въ манерѣ ихъ усваивать слегка и съ чужихъ словъ, въ привычкѣ удовлетвориться полузнаніемъ, и т. д., вообще въ плохой дисциплинѣ ума.

свойства русской натуры, помогшія когда-то нашимъ предкамъ создать великую страну, которую мы по мѣрѣ силъ расшатываемъ теперь.

Борьба съ этимъ зломъ — и есть по моему мнѣнію главнѣйшая задача настоящаго времени. Судьбы Россіи существенно зависятъ отъ того, съумѣетъ ли она наконецъ выработать ядро зрѣлыхъ умовъ достаточно сильное для того, чтобы дать тонъ остальной массѣ образованнаго класса, и намѣтить собственной работой, собственной мыслью и изслѣдованіемъ главнѣйшіе пункты устроенія Россіи.

Для этого нужна прежде всего сильная встряска умовъ, нуженъ общій пересмотръ нашихъ соціальныхъ и политическихъ взглядовъ.

Говоря это я, разумѣется, не подумалъ бы обращаться къ молодежи. Эта задача не въ ея силахъ. Обращаться нужно къ старшимъ, верхнимъ слоямъ, которые сами прекрасно понимаютъ справедливость высказанныхъ мною соображеній. На нихъ обязанности лежитъ созданіе новаго направленія. Обязанность сдѣлать что нибудь для выработки положительнаго и созидательнаго міросозерцанія лежитъ особенно на моихъ сверстникахъ, намутившихъ, какъ и я, столько « революцій », какъ и я многое испытавшихъ и конечно — передумавшихъ. Ихъ опытъ и возрастъ конечно научили ихъ многому и пробудили въ нихъ стремленіе къ трезвости мысли. Тѣже обязанности лежатъ на другой части нашего поколѣнія, людяхъ достаточно скептичныхъ когда то, чтобы не позволить « движенію » увлечь себя, и теперь состоящихъ полноправными, нерѣдко почетными членами русскаго общества. Средства мирнаго развитія страны въ ихъ рукахъ. Найдется наконецъ немало піонеровъ, давно пролагавшихъ путь, о которомъ я говорю, но дѣйствовавшихъ въ одиночку, не пытаясь поднять голову и смѣло заявить — что они и есть настоящая соль, предохраняющая отъ разложенія страну, раздираемую борьбою революціонеровъ и реакціонеровъ.

Развитіе русской мысли, науки, особенно въ столь отставшихъ областяхъ соціальной и политической, изученіе страны, обновленіе русскаго образованія, развитіе и упорядоченіе прессы — это главнѣйшія задачи. Рядомъ съ ними стоитъ развитіе производительности труда, техники, улучшеніе формъ труда, и т. п. Наконецъ улучшеніе въ организаціи разныхъ слоевъ населенія, во главѣ чего стоитъ конечно — приданіе серьёзнаго и строго практическаго характера мѣстному самоуправленію. Я не останавливаюсь на обрисовкѣ всей этой громадной работы. Отмѣчу только одно обстоятельство.

Для правильнаго хода культурнаго развитія страны необходимо конечно содѣйствіе правительственныхъ мѣръ. Невозможно напр. надѣяться, чтобы при слабости нашего культурнаго развитія, студенческія волненія прекратились безъ упорядоченія обстановки студенческой жизни Подавляя безпорядки и вмѣшательство молодежи въ несвойственную ей политическую дѣятельность, конечно слѣдуетъ однако удовлетворить законнымъ потребностямъ молодости, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто въ Германіи, Франціи, и т. д. Нужно, чтобы молодежь могла

учиться, разсуждать, собираться; нужно, чтобы она жила веселѣе и полнѣе, и т. д. Безъ соотвѣтственныхъ мѣръ правительства или по малой мѣрѣ безъ величайшей осторожности въ выборѣ попечителей, инспекторовъ — усилія наиболѣе благонамѣренныхъ людей будутъ разбиваться о раздраженное состояніе умовъ студенчества. Точно также недостаточная свобода научнаго изслѣдованія чрезвычайно мѣшаетъ созрѣванію русской мысли. Конечно, жалобы на цензуру чрезвычайно преувеличены, и въ общей сложности работа русскаго ума находитъ возможность проявляться въ нашей литературѣ. Однако русская наука такъ еще слаба, что даже малѣйшая помѣха ея развитію отзывается послѣдствіями самыми вредными. Устранить эти помѣхи властно одно правительство. Точно также земство напр. Его современная организація явно неудовлетворительна, и ставитъ его въ неизбѣжную опозицію съ администраціей. Сліяніе земства съ администраціей, т. е. расширеніе области его вѣденія, съ подчиненіемъ необходимому контролю и отвѣтственности, вообще приданіе ему значенія низшаго органа правительства — устранило бы много недоразумѣній, и много источниковъ недовольства. Но какъ сдѣлать это безъ посредства правительства? Такимъ образомъ самъ собою выдвигается на сцену вопросъ, такъ сказать политическій. Какъ быть съ нимъ?

Я именно по этому поводу и хочу сказать нѣсколько словъ. Мы въ этомъ отношеніи настоящіе faiseurs d'embarras, и сами себѣ создаемъ страхи и препятствія. Вездѣ, во всѣхъ странахъ, при всѣхъ формахъ правленія — задача — довести своевременно до свѣденія центральнаго правительства нужды страны и побудить его принять необходимыя преобразованія — одна изъ самыхъ трудныхъ. Напомню однако, что наша монархія имѣетъ въ своей исторіи нѣсколько блестящихъ реформаціонныхъ эпохъ. Если въ современномъ положеніи Россіи, по мнѣнію ея гражданъ, есть дѣйствительно мѣсто серьезнымъ реформамъ — нужно стараться ихъ получить, какъ это дѣлаютъ во всякой другой странѣ, т. е. сообразно съ существующими законными путями политическаго дѣйствія.

Источникъ власти законодательной и исполнительной — по русскимъ законамъ, есть Государь страны. Въ странахъ республиканскихъ этимъ источникомъ являются избиратели. Та и другая форма имѣетъ свои преимущества, но въ обоихъ случаяхъ политическое дѣйствіе, изъ какого бы источника не исходило, проявляется не иначе какъ посредствомъ извѣстныхъ учрежденій. Эти учрежденія въ Россіи представляютъ не менѣе способовъ къ дѣятельности, чѣмъ въ другой странѣ. У насъ есть Государственный Совѣтъ, Сенатъ, Министерства, съ разными добавочными органами, вродѣ Департамента торговли и мануфактуръ, и цѣлаго ряда постоянно существующихъ коммиссій. Не говорю уже объ общественной дѣятельности не оффиціальнаго характера, какъ напр. публицистика, работа при посредствѣ разныхъ ученыхъ обществъ и т. п. Партіи законнаго прогресса представляется очень широкое поле дѣйствія. Пусть ея люди служатъ, работаютъ, пусть они имѣютъ всегда го-

товую систему, приспособленную къ нуждамъ положенія, и практичность которой можетъ быть доказана Государю. Въ минуту, когда Императоръ рѣшитъ призвать во власти прогрессивную партію (что онъ непремѣнно будетъ дѣлать отъ времени до времени, если только убѣдится, что эта партія искренно признаетъ его верховныя права), — партія прогресса должна быть готова оправдать призывъ и сдѣлать по устроенію Россіи дѣйствительно всё, что можно. Развѣ мы не видали, къ сожалѣнію, какъ лица, призванныя къ власти, оказывались, не смотря на свою всероссійскую репутацію, совершенно безъ системы, сами не знали, что дѣлать, и теряли по году драгоцѣннаго времени только на то, чтобы орьентироваться? Я не хочу никого въ отдѣльности обвинять за то, въ чемъ виноваты всѣ, а отмѣчаю лишь фактъ, какихъ бы не должно случаться. Министерства существуютъ не для обученія кого нибудь политической грамотѣ, а для удовлетворенія нуждъ страны. Къ дѣлу нужно подготовиться заранѣе. А затѣмъ если царь — по какимъ бы ни было соображеніямъ — считаетъ болѣе удобнымъ обратиться къ другимъ людямъ — что дѣлать? Остается только покориться, и воспользоваться этимъ временемъ свободы отъ власти — для серьёзнаго подготовленія къ слѣдующему разу. Не такъ ли поступаетъ Гладстонъ, потерявшій большинство въ палатѣ? При всякомъ источникѣ власти есть моменты движенія впередъ, моменты застоя, моменты реакціи. Тутъ нечего ни унывать, ни возмущаться, а нужно просто работать, принявъ за правило — искать причинъ своей неудачи сначала въ самомъ себѣ, а ужь потомъ въ другихъ.

Приложеніе А

Упомянутая безымянная брошюра, « Революція или Эволюція » — засвидѣтельствована П. Л. Лавровымъ, который ставитъ мнѣ въ ней и отъ себя нѣсколько вопросовъ. Въ общемъ онъ найдетъ достаточный отвѣтъ въ моей брошюрѣ. Въ частности я долженъ былъ оставить безъ послѣдствій нѣсколько вопросовъ, такъ какъ ихъ не понимаю. Напр. — « считаю ли я дозволительнымъ революціонную дѣятельность для всякаго русскаго, который признаетъ, что лишь этимъ путемъ наша родина можетъ избавиться отъ самодержавнаго произвола, убивающаго всѣ ея живыя силы ». Такому русскому я посовѣтую провѣрить его очевидно ошибочныя разсужденія, но вопроса о « дозволительности » не понимаю. Точно также Петръ Лавровичъ спрашиваетъ меня, какъ я отношусь теперь къ своимъ собственнымъ статьямъ въ Вѣстн. Нар. Воли? Мои статьи въ этомъ журналѣ касаются сотень вопросовъ, и составляютъ болѣе 600 страницъ мелкаго шрифта. Можетъ-ли быть, чтобы Петръ Лавровичъ ожидалъ отъ меня еще 600 страницъ рецензій на эти статьи? Единственный отвѣтъ, какой я могу дать, это слѣдующій : многое въ моихъ статьяхъ признаю совершенно вѣрнымъ и совершенно раздѣляю ; нѣкоторую долю написаннаго считаю добросовѣстной ошибкой ; кое же что — какъ у всѣхъ партійныхъ публицистовъ, хотя можетъ быть меньше чѣмъ у другихъ, представляетъ сознательную уступку кружковымъ соображеніямъ.

Я былъ бы чрезвычайно доволенъ, если бы могъ ограничиться этимъ отвѣтомъ, не вступая въ дальнѣйшія объясненія. П. Л. Лавровъ принялъ по отношенію ко мнѣ положеніе, которое возбуждаетъ во мнѣ самыя тяжелыя чувства. Дѣло конечно не въ борьбѣ, начатой имъ противъ меня — сама по себѣ она естественна — но въ характерѣ этой борьбы. Это и вынуждаетъ меня сказать еще нѣсколько словъ. Не могу не выразить сожалѣнія, видя, что П. Л. Лавровъ подымаетъ, и очень настойчиво, вопросъ о томъ, съ какихъ поръ измѣнились мои взгляды? Я не допрашивалъ его, въ теченіи сколькихъ мѣсяцевъ претерпѣвали измѣненія тѣ или иныя его

мнѣнія. Полагаю, что имѣю право на такое же отношеніе къ себѣ. Еще болѣе сожалѣю, что Петръ Лавровичъ, для разъясненія интересующаго его вопроса, прибѣгаетъ къ моему, какъ онъ выражается, письму 5 октября 1887 г. Во первыхъ, это — если не ошибаюсь, не письмо, а записка въ 5—6 строкъ. Во вторыхъ, насколько помнится она, по существу вовсе не есть заявленіе моихъ мнѣній Петру Лавровичу, а лишь сообщеніе ему отвѣта, даннаго мною третьему лицу, причемъ слова « я достаточно писалъ, чтобы мои мнѣнія были извѣстны тѣмъ, кто ими интересуется », составляютъ упрекъ, а не объясненіе. Но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что нѣтъ документа менѣе пригоднаго для возстановленія истины и болѣе способнаго приводить къ безконечнымъ дрязгамъ, какъ всѣ эти мелкія записки, которыя пишутся наскоро, безъ помышленія о точности выраженій, безъ ожиданія видѣть твой клочекъ бумажки « документомъ » противъ тебя; въ этихъ запискахъ всегда очень многое подразумѣвается, и это невысказанное подразумѣваемое иногда составляетъ самую суть, которую понимаетъ одинъ только адресатъ. П. Л. Лавровъ могъ наблюдать борьбу политическихъ партій дольше меня и безъ сомнѣнія знаетъ, что эти маленькіе документики представляютъ оружіе одинаково пригодное къ уничтоженію праваго и виноватого, честнаго и нечестнаго. Зачѣмъ же сходить на эту почву? Что будетъ, если и я спущусь на нее? Не получится ли зрѣлище очень мало назидательное для нашей аудиторіи?

Помощь, оказываемая П. Л. Лавровымъ авторамъ анонимнаго противъ меня протеста — возбуждаетъ во мнѣ также крайне тяжелыя чувства. Брошюра « Революція или Эволюція » подписана словами « прежніе товарищи Тихомирова по дѣятельности и убѣжденіямъ ». П. Л. Лавровъ свидѣтельствуетъ, что составители имѣютъ право на такую подпись. Но почему же онъ употребляетъ такія неопредѣленныя выраженія, что нельзя разобрать, всѣхъ ли или только нѣкоторыхъ изъ составителей онъ признаетъ моими товарищами? Различіе это очень важное. Я конечно могъ бы отвѣтить постороннимъ людямъ можетъ быть даже охотнѣе, чѣмъ инымъ изъ старыхъ « товарищей ». Но всякій долженъ называться тѣмъ, что онъ есть, а неопредѣленныя выраженія Петра Лавровича не объясняютъ ничего окончательно. Замѣчу при этомъ Петру Лавровичу, что патронируемые имъ люди анонимны не только для публики, но не заявили даже мнѣ лично,

кто они такіе (*). Что же это такое? Преднамѣренное ли оскорбленіе мнѣ, или незнаніе приличій, или же наконецъ желаніе что нибудь замаскировать въ своей средѣ? Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ не всѣ составители имѣютъ право на подпись, которую употребляютъ, можетъ быть иные изъ нихъ, скрываясь за безымянностью, думали внушить публикѣ преувеличенное понятіе о значеніи протеста? Я не утверждаю ни одного изъ этихъ предположеній, но при совокупности данныхъ условій мнѣ невозможно отвѣтить патронируемой Петромъ Лавровичемъ анонимной группѣ. Не будь тутъ его подписи, я бы ограничился заявленіемъ своего протеста. Въ виду значенія, которое подпись П. Л. Лаврова имѣетъ для извѣстныхъ слоевъ молодежи я однако расположилъ свою брошюру такъ, чтобы читатели « протеста » нашли у меня отвѣтъ на запросы тамъ поставленные, я иногда даже цитирую брошюру, но какъ читателямъ брошюры « Революція или Эволюція », такъ и самому П. Л. Лаврову я долженъ заявить, что не предвижу ничего хорошаго отъ примѣра, даннаго составителями протеста.

Мои подлинные прежніе товарищи, протестуя въ 1878 г. противъ приговора суда, не усумнились дать для публикаціи свои подписи, хотя сидѣли въ Крѣпости и Литовскомъ замкѣ. Чѣмъ же, какими чрезвычайными причинами, я могу объяснить таинственность авторовъ брошюры « Революція или Эволюція »? Чего могутъ бояться эмигранты? Допуская даже возможность немногихъ исключеній, не могу не сказать, что люди, которые не могутъ дать для протеста подписи, не должны въ немъ участвовать, такъ какъ анонимный протестъ и съ политической, и съ нравственной стороны есть нововведеніе очень опасное. Назову напр. хотя то, что такимъ образомъ создаются совершенно неравныя условія борьбы: мои противники, положимъ, могутъ цитировать не только мои статьи, но даже вспоминать мои отношенія къ тѣмъ или инымъ лицамъ. Я же остаюсь со связанными руками, и долженъ молчать о моихъ противникахъ, если даже знаю ихъ. А вѣдь, можетъ быть, открытое сравненіе моей жизни съ ихъ жизнью вовсе не было бы слишкомъ невыгодно для меня? Подъ анонимными протестами легко также можетъ развиваться крайнее малодушіе. Они даютъ легкую возможность для всякихъ злоупотребленій. П. Л. Лавровъ помнитъ конечно апокрифическую литературу

(*) За исключеніемъ двухъ человѣкъ, которымъ я уже и заявилъ, что готовъ имъ лично дать объясненія на вопросы, какіе они захотѣли бы поставить мнѣ.

1886-87 гг. — авторовъ которой онъ самъ считалъ и называлъ шпіонами : трудно ли такого рода людямъ воспользоваться возникающимъ обычаемъ анонимныхъ протестовъ? Что мѣшаетъ также недобросовѣстному человѣку составить хоть сто протестовъ сразу за разными безымянными подписами : « НН-скіе революціонеры », « ММ-скіе либералы », « Х-скіе рабочіе », и т. д.?

П. Л. Лавровъ безъ сомнѣнія видѣлъ появившійся противъ меня пасквиль « По поводу одного предисловія », тоже анонимный. Я надѣюсь, что Петръ Лавровичъ не могъ имѣть ничего общаго съ этой вылазкой противъ меня, но едва ли онъ можетъ не чувствовать нѣкоторой нравственной за нее отвѣтственности, такъ какъ долженъ былъ или могъ по крайней мѣрѣ предвидѣть, какія шлюзы открываетъ противъ меня. Мнѣ кажется, что появленіе на почвѣ « политической борьбы » такихъ брошюрокъ составляетъ достаточное предостереженіе П. Л. Лаврову, а потому позволяю себѣ ему сдѣлать предложеніе.

Я предлагаю вотъ что. Политически — мы очевидно противники, мы расходимся съ Петромъ Лавровичемъ не больше, но и не меньше, чѣмъ онъ расходится съ « либералами »; я понимаю поэтому, что онъ можетъ бороться противъ меня. Можетъ быть, я и самъ буду когда нибудь бороться противъ него. Но будемъ бороться на почвѣ мнѣній, не будемъ допускать къ этой борьбѣ людей или средства, которыя могутъ уронить ее въ глазахъ общества. Я предлагаю это не изъ боязни за себя ; въ концѣ концовъ лучшая часть какой бы то ни было массы окажется на сторонѣ жертвы несправедливости. Я увѣренъ, что нравственное чувство самаго П. Л. возмущается при видѣ зрѣлища, когда всякій первый встрѣчный, боящійся даже подписаться, позволяетъ себѣ третировать en canaille меня — человѣка — допустите — ошибающагося, но все и всегда отдававшаго и теперь готоваго отдать за то, что онъ считаетъ истиной! Пусть же подумаетъ Петръ Лавровичъ, какое дѣйствіе на молодежь произвело бы предположеніе, что онъ « проповѣдникъ соціалистической нравственности », даже хоть только не мѣшаетъ разливаться грязи, потому что она направлена на противника? Я забочусь собственно не о революціонномъ движеніи, и самъ бы хотѣлъ видѣть его замѣну чѣмъ нибудь болѣе производительнымъ въ идейномъ смыслѣ. Но есть почва о чистотѣ которой

всѣ одинаково должны заботиться — это почва здороваго нравственнаго чувства. Нравственное же чувство (разойдемся ли мы въ этомъ опредѣленіи?) требуетъ справедливости къ противнику, не меньше чѣмъ къ друзьямъ, оно требуетъ справедливости прежде всего, раньше какихъ бы то ни было соображеній о « нашихъ » или « вашихъ ». Позволяя подрывать его — мы подрываемъ возможность справедливости общественной. Будемъ же одинаково охранять эту почву, на которой выростаетъ все доброе, охранять отъ покушеній не только враговъ, но и неловкихъ или недостойныхъ друзей!

Приложеніе Б

Четвертый № « Вѣстника Нар. Воли » появился 15 января 1885 г. ; номеръ пятый — 15 декабря 1886 г., т. е. черезъ два года, или точнѣе, черезъ 23 мѣсяца.

По выходѣ № 4 редакція наша сначала приступила къ составленію новаго №, половина котораго уже была напечатана, когда крайній недостатокъ средствъ вынудилъ прекратить работу. Такъ прошло больше году. Я считалъ прекращеніе журнала совершившимся фактомъ. Но лѣтомъ 1886 г. явилась матеріальная возможность докончить начатый № 5 « Вѣстника » и редакція рѣшила воспользоваться этимъ, чтобы прекратить изданіе не на полусловѣ, а болѣе или менѣе по человѣчески.

Этотъ послѣдній прощальный № 5 былъ для меня очень незадачливъ. Въ немъ не была помѣщена моя собственная статья, мои взгляды, тогда мнѣ наиболѣе дорогіе. Но за то въ томъ же № напечатана за моей подписью замѣтка « Заявленіе товарищамъ и читателямъ », которую я не только не писалъ, но даже не видалъ до выхода книжки.

Дѣло было такъ. По желанію П. Л. Лаврова, я взялъ на себя составленіе этой замѣтки. Но совершенно экстраординарное происшествіе отняло у меня возможность написать ее немедленно, почему я и просилъ П. Л. сдѣлать это за меня. Онъ конечно согласился. Черезъ нѣсколько часовъ я улучилъ

минуту написать замѣтку и послалъ ее П. Л. Лаврову, но уже было поздно. Онъ уже отправилъ **свою** (т. е. конечно за моей подписью) замѣтку въ типографію. Я не сталъ настаивать, не желая выказать недовѣрія П. Л. Лаврову, и промолчалъ. Впрочемъ, и не имѣлъ и физической возможности измѣнить дѣла, не задерживая выхода № 5, съ которымъ типографія крайне торопилась. Но всѣ окружавшіе тогда меня знаютъ, что, увидавъ « свою » замѣтку въ вышедшей книжкѣ, я былъ очень недоволенъ ея тономъ, который нисколько не соотвѣтствовалъ моему дѣйствительному тогдашнему настроенію.

Въ настоящее время, въ виду того, что означенная замѣтка начинаетъ фигурировать, какъ доказательство моего якобы яро-революціоннаго настроенія въ 1886 году — считаю себя вынужденнымъ возстановить фактъ, каковъ онъ былъ.

Post-scriptum

Моя брошюра, начатая въ мартѣ сего года, была окончена 11 мая. Обстоятельства задержали до сей поры ея печатаніе. Выпуская въ свѣтъ свое длинное объясненіе, надѣюсь, что мнѣ позволительно будетъ впредь не возвращаться къ этому предмету, и думать лишь о той **положительной** работѣ, которая меня единственно занимаетъ.

Парижъ. 2 августа 1888.

Л. Тихомировъ.

Paris. — Imprimerie polyglotte Yve Hugonis, rue Martel, 6.